

Владимир Николаевич Топоров

(5 июля 1928 – 5 декабря 2005)

Когда был собран и окончательно редактировался настоящий том серии “Этимология”, мы узнали о кончине Владимира Николаевича Топорова. Печальная эта весть отзывается сильнейшей душевной болью. Наш мир оставил великий учёный и великий человек.

Владимир Николаевич был членом редакционной коллегии “Этимологии” с начала основания нашего периодического издания и постоянным его автором. Более того, именно статья Владимира Николаевича открывала первый его выпуск. Есть нечто глубоко символическое в том, что она называлась “К этимологии слав. *myslb*”.

Мысль Топорова одухотворяла наше время и пространство, в котором мы существуем. Пульсирующая мысль не отпускала его до последней минуты жизни. Прикоснуться к этой пульсации, слышать голос Владимира Николаевича, видеть результаты деятельности его разума было всегда радостью.

Идейное и методологическое раскрепощение отечественной филологии, исторического и сравнительного языкознания в частности, было обеспечено приходом в лингвистику в пятидесятые годы прошлого столетия целой плеяды молодых ученых, замечательно одаренных, фундаментально образованных и полных веры в свои силы, в свою способность вершить перемены. Владимир Николаевич Топоров был среди них фигурой исключительно яркой, поистине ренессансной. Необъятная широта его познаний и научных интересов, исследовательский вкус, глубина и точность анализа, обнаруживающиеся в его работах, мощь и острота интеллекта, необычайная способность видеть связь вещей, невероятная творческая продуктивность (список научных трудов Топорова включает более полутора тысяч названий, не считая многочисленных переизданий) сообщили ему великий авторитет в науке, а безупречные по самым высоким меркам человеческие качества – порядочность, честность, такт, уважительность к иному самостоянию – сделали его высочайшим нравственным образцом в глазах гуманитарной интеллигенции.

Следует при этом заметить, что стиль человеческого поведения, исповедовавшийся им, сам мягкий и сдержанный облик Владимира Николаевича, кабинетный характер его жизни как будто менее всего ассоциируются с образом научного лидера. Чуждавшийся публичности, предпочитавший библиотечный полумрак – лекторской кафедре, стол и перо – микрофонам и объективам, тихую беседу – броскому поступку, он тем не менее всегда оставался человеком, чутким к злобе сего дня, болезненно воспринимавшим несправедливость, а в минуту необходимости мог стать острым газетным публицистом, возвысить голос совестливого и просвещенного человека против подлости (как это было, например, в памятные дни “литовского кризиса”, когда грязные волны истеричной лжи обрушились на страну, народ которой пожелал очиститься от коммунистической скверны).

Представление об энциклопедизме Топорова не способен дать никакой перечень научных специальностей, отраслей, направлений и проблем. Попытки очертить круг его интересов и занятий, тематический спектр его работ, неоднократно предпринимавшиеся коллегами (см., например, страницы убористого текста с перечислением “главных направлений научной деятельности В.Н. Топорова” – подчеркнем слово *главных!* – в “Балто-славянских исследованиях 1986”), неизбежно оборачивались скороговоркой. Лингвист, литературовед, специалист по семиотике, культуролог, историк, философ..., специально только в языкознании – славист, балтист, индолог, индоевропеист..., теоретик компаративизма, историк языка, этимолог, лексиколог, лексикограф, ономатолог, грамматист, исследователь структуры и семантики текста, истории словесных жанров, связей между словом и культурой, языком и мировоззрением... – где остановиться?

Фигура Топорова – светлого человека и гениального ученого, сам изумляющий культурный феномен *Топоров* нуждаются в осмыслении. Хватит ли нам ума и сил прийти к пониманию подлинных масштабов этого явления?

Простимся с Владимиром Николаевичем Топоровым.

Не нужно обещать помнить его. Забыть его будет невозможно.

Редколлегия периодической серии “Этимология”